

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.4.16>

UDC 94(367)
LBC 63.3(2)41

Submitted: 05.04.2021
Accepted: 20.04.2021

THE DANUBE HOMELAND OF THE SLAVS
IN THE TALE OF BYGONE YEARS: A PROBLEM OF INTERPRETATION¹

Denis E. Alimov

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The article discusses the image of the ancestral homeland of the Slavs as described in the early 12th century Old-Russian chronicle known as the “Tale of Bygone Years.” *Methods and materials.* The focus of the article is on the concept of the Danube Slavic land, which, according to the chronicle, was the ancient homeland of the Slavs. In order to elucidate this concept, the author uses elements of historical-semantic analysis of the text and compares its information with data from other sources relevant for the study of this topic. *Analysis.* Taking into account the heterogeneity of knowledge underlying the chronicle ethnogenetic construction, the author identifies various elements of this knowledge. *Results.* The author comes to the conclusion that the image of the Danube homeland of the Slavs was not a bookish construction but a reflection of the ethnic realities of the early Middle Ages, when the Carpathian basin was the core area of the Slavic ethnic identity. According to the author, the formation of the idea that the Middle Danube Slavic land was the primary homeland of the Slavs was also the result of the perception of the Slavs as autochthonous inhabitants of Illyricum and Pannonia, which existed in Rome in the time of the Pannonian diocese of Methodius and probably influenced the formation of Slavic ethnogenetic legends through Cyril’s and Methodius’s cultural and ideological legacy.

Key words: Tale of Bygone Years, Slavs, Slavic identity, Illyricum, Pannonia.

Citation. Alimov D.E. The Danube Homeland of the Slavs in the Tale of Bygone Years: A Problem of Interpretation. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2023, vol. 28, no. 4, pp. 202-213. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.4.16>

УДК 94(367)
ББК 63.3(2)41

Дата поступления статьи: 05.04.2021
Дата принятия статьи: 20.04.2021

ДУНАЙСКАЯ ПРАРОДИНА СЛАВЯН В «ПОВЕСТИ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ»:
ПРОБЛЕМА ИНТЕРПРЕТАЦИИ¹

Денис Евгеньевич Алимов

Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматривается образ дунайской прародины славян в «Повести временных лет» (начало XII в.). Анализируя содержание данного образа, автор приходит к выводу, что он не был книжным конструктом, а соответствовал этническим реалиям раннего Средневековья, отражая зону распространения славянской этнической идентичности в Среднем Подунавье. Формирование представления о том, что дунай-

ская Словенская земля была первичной родиной славян, по мнению автора, также обусловлено восприятием славян как автохтонных жителей Иллирика и Паннонии, существовавшим в Риме в период функционирования Паннонского диоцеза Мефодия и, вероятно, оказавшим влияние на формирование славянских этногенетических легенд посредством кирилло-мефодиевского культурно-идеологического наследия.

Ключевые слова: Повесть временных лет, славяне, славянская идентичность, Иллирик, Паннония.

Цитирование. Алимов Д. Е. Дунайская прародина славян в «Повести временных лет»: проблема интерпретации // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2023. – Т. 28, № 4. – С. 202–213. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.4.16>

Введение. Одной из черт картины мира автора «Повести временных лет» (далее – ПВЛ) является свойственное ему представление о славянах как о едином народе, связанном общностью происхождения. На страницах летописи это представление отразилось в этногеографическом введении, содержащем рассказ о происхождении славян, а также в тематически связанной с ним летописной статье 898 г., где говорится о создании славянской письменности. По мнению А.А. Шахматова, в частях летописного текста, посвященных происхождению славян и славянской письменности, отразился более ранний источник. Предложив именовать этот источник «Сказанием о преложении книг на славянский язык», ученый приписывал ему западнославянское происхождение, связывая его создание с эпохой, когда в славянских землях, находившихся в юрисдикции Рима, создалась угроза для использования славянского языка в богослужении [21, с. 80–92]. Хотя идея А.А. Шахматова об использовании летописцем западнославянского «Сказания» в своем общем виде была поддержана многими авторами, происхождение, состав и датировка этого гипотетического источника (в широких хронологических пределах X – конца XI вв.) стали предметом непрерывающейся дискуссии, в ходе которой, наряду с развитием гипотезы о создании «Сказания» в Сазавском монастыре в Чехии [20], высказывались и вполне резонные скептические замечания в адрес правомерности отнесения к «Сказанию» сведений о расселении славян из этногеографического введения ПВЛ.

При всей перспективности текстологических изысканий для адекватной интерпретации летописной версии происхождения славян как целостной концепции средневекового автора их явно недостаточно. Актуальным остается вопрос о соотношении восприятия

славян как единого многоплеменного народа и процесса распространения славянской идентичности. При этом что в историографии появлялись попытки рассматривать рассказ о расселении славян как отражение реальных событий, соотнося его с «дунайской теорией» происхождения славян (обзор проблематики см.: [16]) или миграциями славян с территории Аварского каганата [10, с. 38–42; 34, с. 55–98], все подобного рода интерпретации наталкиваются на вопрос о том, каким образом память о столь далеких эпохах могла в течение веков сохраняться в условиях бесписьменного общества. Более того, вызывает сомнения сама правомерность разговора о реальных событиях в контексте интерпретации этногенетического нарратива. Летописный рассказ о происхождении славян, являющий собой характерную для средневекового исторического описания этногенетическую конструкцию, может и должен рассматриваться в рамках популярного в средневековой историографии жанра «*origo gentis*», то есть «происхождение народа» [30, с. 21–22]. Мотивы прародины народа и его переселения на новое место жительства являлись в таких конструкциях не отражением реалий, а элементами обусловленной этническим дискурсом структуризации прошлого. Дискуссионным остается лишь вопрос о том, в какой мере эта структуризация являлась порождением уже существовавших архетипов мышления, а в какой – результатом восприятия элементов книжного знания, прежде всего библейских матриц. Важным элементом в произведениях жанра «*origo gentis*» было и так называемое локальное знание (см., например: [25]), с помощью которого мифологические или почерпнутые из книг сюжеты встраивались автором этногенетической конструкции в знакомый ему культурный ландшафт. К локальному знанию могли относиться топонимы, актуальные для данно-

го места и времени этнические и географические названия и т. п. Таким образом, задачей историка должно быть объяснение дискурсивных конструктов, каковыми являются этногенетические повествования, посредством идентификации в них элементов книжного и локального знания той эпохи, в которую они создавались.

Методы и материалы. Ввиду обширности темы летописного «*origo gentis*», в настоящей статье мы сфокусируемся лишь на одном из его элементов, а именно на содержащемся в нем представлении о прародине славян на Дунае. В центре нашего внимания окажется понятие Словенской земли, которая, согласно ПВЛ, была древней родиной славян. В определении генезиса и содержания этого понятия, сопряженном с идентификацией в нем элементов книжного и локального знания, нам должны помочь как элементы историко-семантического анализа самого летописного текста, так и сравнение информации ПВЛ со сведениями других релевантных для изучения данной темы источников.

Анализ. Повествование о происхождении славян в этногеографическом введении ПВЛ начинается с сообщения об уделах трех сыновей Ноя – Сима, Хама и Иафета. Описание каждого из уделов содержит перечни народов, в которых отразилось использование хронографических источников [4; 11], в первую очередь славянских переводов хроник Георгия Амартола и Иоанна Малалы [6; 21]. Включив словен в восходящий к хронике Георгия Амартола перечень стран и народов, составивших удел Иафета, летописец поместил их между Иллириком и Лухитией (то есть районом Лихнида (Охрида)) [18, с. 7]. Следующее упоминание о словенах содержится в рассказе о разделении языков вследствие строительства Вавилонской башни. Летописец снова упоминает уделы сыновей Ноя, на сей раз определяя их по сторонам света, после чего сообщает: «От сихъ же 70 и 2 языку бысть языкъ словѣнскъ, от племени Афетова, нарци, еже суть словѣне» [18, с. 8]. Хотя в историографии установлено, что нарцами здесь именуются норрики, то есть жители римской провинции Норик, что, очевидно, отражает знакомство летописца с памятником, подобным хронике Ипполита Римского или Пасхаль-

ной хронике, где также фигурирует этот народ, упоминаемый в перечне 72 народов вслед за паннонцами [3; 5, с. 56; 17, с. 29–32], источник отождествления норриков со словенами остается неясным. Можно лишь констатировать, что такое отождествление хорошо вписывается в локализацию летописцем постбиблейской славянской прародины. О ней, сразу вслед за упоминанием нарцев, летописец сообщает следующее: «По мнозѣхъ же времянѣхъ сѣли суть словѣни по Дунаеви, гдѣ есть ныне Угорьска земля и Болгарьска. И от тѣхъ словѣнъ разидошася по зѣмле и прозвашася имены своими, гдѣ сѣдше на которомъ мѣстѣ» [18, с. 8].

Если местоположение «Угорской земли», то есть Венгрии, не вызывает вопросов, то значение термина «Болгарская земля» нуждается в уточнении, так как ко времени составления ПВЛ прошло почти сто лет с момента исчезновения Болгарского царства с политической карты Европы. Как показал П. Коматина, проанализировав обширный массив свидетельств о «Болгарии» XI–XII вв., в эту эпоху Болгарией именовалась территория Охридской архиепископии, причем представление о границах Болгарии, обусловленное длительным вхождением тех или иных епархий в юрисдикцию Охрида, обладало относительной устойчивостью [9]. Из этого следует, что в пределы той части славянской прародины, которая в период составления ПВЛ находилась в составе Болгарской земли, едва ли могли включаться области Нижнего Подунавья, некогда входившие в состав Болгарского царства: в византийских текстах XI–XII вв. эти территории именовались Мизией, а не Болгарией [9, с. 46–47]. Следовательно, в регионе Подунавья летописная Болгарская земля могла охватывать лишь области находившихся здесь четырех епархий Охридской архиепископии – Сремской, Белградской, Браничевской и Видинской.

Так как в наши задачи не входит рассмотрение сюжета о расселении славян, к которому летописец обращается сразу вслед за известием о дунайской прародине, обратим внимание лишь на тот пассаж введения, где снова фигурируют дунайские славяне. Летописец возвращается к ним по завершении пространного перечня народов Восточной Евро-

пы, делая своего рода исторический экскурс: «Словѣнску же языку, яко же рекохомъ, живущо на Дунаи, придоша от скуфъ, рекше от козаръ, рекомии болгаре и сѣдоша по Дунаеви, и насѣлници словѣнном быша. Посемъ придоша угри бѣлии, и насѣдиша землю словѣнску. Си бо угри почаша быти при Ираклии цари, иже находиша на Хоздроя, царя перьскаго. Въ си же времена быша и обри, иже ходиша на Ираклия царя и мало его не яша» [18, с. 10]. Казалось бы, упоминание в этом пассаже болгар, которые, в отличие от обров (аваров) и белых угров (оногуров?), основали свою державу на Нижнем Дунае, лишь позднее расширив свою власть на окраины Карпатской котловины, побуждает усомниться в правильности интерпретации Болгарской земли как территории Охридской архиепископии. Но веских оснований для сомнений все же нет. Дело в том, что сведения об обрах, уграх, Хосрове и Ираклии были почерпнуты летописцем из славянского перевода хроники Георгия Амартола. К этому же источнику восходит и использованное при описании происхождения болгар выражение «рекше от козаръ» [21, с. 45–46]. Еще более важным является то обстоятельство, что сходное описание водворения болгар на Дунае содержится в «Повести полезной о латинах», написанной предположительно в XII веке. В свое время А.А. Шахматов предположил, что «Повесть полезная о латинах», так же как и ПВЛ, при описании ранней истории славян опиралась на «Сказание о преложении книг на славянский язык», но недавно А. Николовым была высказана гипотеза, согласно которой ПВЛ заимствовала информацию о болгарях напрямую из «Повести полезной о латинах», существенно изменив при этом ее содержание. Дело в том, что в «Повести», в отличие от ПВЛ, сообщается об овладении болгарами Мизией и расселении их родов к западу до Иллирика. Как видно, географическая номенклатура памятника находится в соответствии с византийскими представлениями, что неудивительно: по мнению А. Николова, «Повесть» была переводом с греческого, созданным на Балканах в конце XI или начале XII века. Как считает исследователь, превратить болгар в «насельников» в славянской земле летописца побудило упоминание в тексте Иллирика, кото-

рый в ПВЛ локализуется в Словенской земле [14, с. 266–267].

Рассказ о судьбах дунайских славян продолжается в ПВЛ в статье 898 г., восходящей, согласно гипотезе А.А. Шахматова, в своей основной части к «Сказанию о преложении книг на славянский язык». Содержащиеся в этой статье известия о волохах, которые «прияша землю словенску», и уграх, которые, изгнав волохов, «наслѣдиша землю ту», неоднократно анализировались в историографии. При сохраняющейся дискуссионности вопроса об источнике этих сведений почти всеми исследователями признается, что они хорошо отражают историю Карпатской котловины в IX в. – сначала господство франков (волохов) в Паннонии, а затем занятие ее венграми. Таким образом, географическая привязка фигурирующей здесь Словенской земли (Карпатская котловина или ее западная часть) не вызывает сомнений.

Переходя далее к рассказу о создании славянской письменности, летописец снова использует термин «Словенская земля». На сей раз он именуется князьями Словенской земли Ростислава, Святополка и Коцела, которые отправили посольство к византийскому императору с просьбой прислать им учителя, который бы перевел для славян священные книги. Из этого следует, что Словенской землей здесь именуется пространство трех княжеств – Моравского (Ростислав), Нитранского (Святополк) и Паннонского (Коцел). Подобное использование понятия «Словенская земля», отражающее этническое единство славян Карпатской котловины [35; 33, s. 19], заставляет вспомнить описание славянской прародины в этногеографическом введении, ведь пространство Словенской земли из статьи 898 г. в значительной степени совпадает с той территорией, которая в этногеографическом введении представлена как первичная зона обитания славян. Несовпадения ограничиваются включением в статье 898 г. в состав Словенской земли Моравии (согласно тексту введения, мораване были среди тех славян, которые, расселяясь с Дуная, стали обретать названия в соответствии с местами своего нового обитания; мораване – от реки Моравы [18, с. 8]), и упоминанием во введении наряду с Венгрией еще и Болгарской земли, тогда как

в статье 898 г. в качестве наследника Словенской земли выступает лишь «Угорская земля», действительно, охватывавшая территории бывших Паннонского и Нитранского княжеств. Этим двум нюансам едва ли стоит придавать важное значение. Объединение Моравии с Нитранским и Паннонским княжествами кажется совершенно естественным в силу не только того, что Моравия составляла политическое единство с Нитранской землей и одно время также контролировала Паннонию, но и упоминавшегося этнического единства словен. Что же касается упоминания Болгарии в качестве страны, занимающей «ныне» (наряду с Венгрией) район первоначального проживания славян, то здесь стоит принять во внимание то, что одной из расположенных в Подунавье епархий Охридской архиепископии была Сирмийская, охватывавшая район Срема. Хотя принадлежность Срема в 860-е гг. остается не вполне ясной, есть некоторые основания думать, что в правление Коцела Срем был частью Паннонского княжества [28, с. 350]. В этом случае совпадение пространства дунайской прародины, обрисованного во введении, с территорией Словенской земли из статьи 898 г., может быть еще более полным.

Прежде чем делать на основании этого совпадения какие-либо выводы относительно генезиса представлений о дунайской прародине, необходимо принять во внимание еще один фрагмент статьи 898 г., где говорится о поставлении Мефодия паннонским епископом. Сообщив о том, что Мефодий был поставлен епископом «въ Пании (в Паннонии. – Д. А.), на столѣ святого Ондроника апостола, единого от 70, ученика святого апостола Павла», летописец дал комментарий значению этой преемственности, попутно сообщив дополнительные сведения о прародине славян: «Тѣм же словѣнску языку учитель есть Андроникъ апостоль. В Моравы бо ходилъ и апостоль Павель училъ ту; ту бо есть Илюрикъ, его же доходилъ апостоль Павель; ту бо бѣша словене первое. Тѣм же и словенску языку учитель есть Павель, от него же языка и мы есмо Русь, тѣмъ же и нам Руси учитель есть Павель, понеже училъ есть языкъ словѣнскъ и поставилъ есть епископа и намѣсника по себѣ Андроника словенску языку» [18, с. 16].

Информация о поставлении Мефодия по инициативе Коцела «на стол Андроника апостола» была почерпнута автором из Паннонского жития Мефодия. Однако вся последующая конструкция, устанавливавшая связь между Андроником, Моравией и Иллириком, определяемым летописцем как район миссии апостола Павла и как первоначальное место обитания славян, в других источниках не зафиксирована и, судя по всему, является оригинальной концепцией летописца.

О том, что апостол Павел, распространяя веру, доходил «до Иллирика», известно из Библии (*Рим.* 15:19), в то время как Андроник как «епископ Паннонии» фигурировал в раннесредневековой традиции. Стол Андроника в историографии было принято отождествлять с Сирмием – важнейшим церковным центром римской Паннонии. Однако, как недавно показала М. Бетти, традиция считать Сирмий местом служения Андроника прослеживается лишь начиная с Нового времени [23, р. 194–203], вследствие чего не может быть уверенности в том, что в Житии Мефодия, как и в ПВЛ, под «столом Андроника» понимался именно Сирмий. Скорее, в обоих случаях здесь вообще не подразумевался какой-то определенный центр, а лишь имелась в виду территория Паннонии.

Хороним «Иллирик» был хорошо известен летописцу из перевода хроники Георгия Амартола: в восходящем к ней перечне стран, приводимом в этногеографическом введении ПВЛ, Иллирик упомянут среди областей, составивших удел Иафета. Включая в этот перечень словен и размещая их между Иллириком и Охридской областью («Лухития»), летописец, очевидно, стремился согласовать информацию хроники со сведениями, приведенными им в статье 898 г. [21, с. 42–43]. Таким образом, имевшаяся в распоряжении летописца информация об Иллирике, Паннонии и апостолах была дополнена им следующими элементами: 1) локализация Иллирика в Моравии / Паннонии; 2) локализация в Иллирике первичного района обитания славян.

Попытаемся теперь выявить логику, обусловившую появление этих элементов, с точки зрения «археологии знания». Для начала необходимо отметить, что убеждение в том, что славяне являются автохтонными

жителями Иллирика, принадлежа к числу первых народов, приобщившихся к христианству, было свойственно не только древнерусскому автору. Похожее представление уже в IX в. фиксируется в Риме. Так, в 873 г. папа Иоанн VIII адресовал «склавинскому» (очевидно, сербскому) князю Мутимиру письмо, в котором призывал его вернуться, «следуя обычаю своих предков» (*progenitores*), под церковную юрисдикцию паннонского епископа [24, р. 367–368]. Поставление Мефодия паннонским епископом означало возрождение церковной организации, существовавшей в античности, вследствие чего ясно, что папа считал славян автохтонными жителями [12, с. 74]. Похожая апелляция ко временам античности содержится и в письмах Иоанна VIII, направленных в 879 г. в Хорватию, где в это время правил Бранимир. В письме Бранимиру содержится намек на изначальную связь хорватов с Римом: папа приветствовал возвращение хорватского князя «под крыло святой апостольской столицы», отмечая, что из этого материнского источника и предки (*patres*) князя «пили медоносный напиток святого учения» [31, с. 40]. Эта же идея изначальной связи предков (*parentes*) хорватов с Римом, облаченная в почти дословно повторяющуюся формулу о медоносном напитке, звучит и в другом письме папы, адресованном хорватскому клиру и народу [31, с. 47–48]. Фактически из содержания писем Иоанна VIII вытекало, что и сербы, и хорваты были автохтонными жителями Иллирика, принявшими христианство из Рима в эпоху Римской империи и ныне имеющими шанс (в случае с Мутимиром и сербами) или активно стремящимися (в случае с Бранимиром и хорватами) возвратиться в лоно матери-церкви.

На то, что Рим был заинтересован в стремившихся к эмансипации от франкской и византийской опеки славянских политиях, потенциально способных стать его опорой в регионе, неоднократно обращалось внимание в историографии при обсуждении миссии Кирилла и Мефодия и отношений Римского престола со славянскими князьями. При этом, как показала М. Бетти, в случае с письмами Иоанна VIII речь шла о сознательной репрезентации идеи континуитета римской церковной власти над Иллириком, потребовавшей от папы

использования особого политического языка [23, р. 211]. Думается, что именно в этом контексте следует интерпретировать представление славян в этих письмах автохтонными жителями Иллирика. Признание Иоанном VIII политических притязаний славянских лидеров, столь отличное, по верному замечанию М. Бетти, от франкского взгляда на славян как на подвластных императору варваров [23, р. 211], подразумевало не только обретение славянами достойного статуса в реализуемом Римом церковно-политическом проекте, но и легитимацию этого статуса апелляцией к античному прошлому. Преданные Риму славяне оказывались в этой оптике потомками первохристиан Иллирика

Таким образом, само возникновение идеи об автохтонном проживании славян в Иллирике было обусловлено актуальной церковно-политической повесткой – стремлением Рима восстановить свою юрисдикцию в регионе, главным образом, посредством учреждения Паннонского диоцеза. Скорее всего, именно свершившееся в это время в историческом воображении римских интеллектуалов «прикрепление» славян к Иллирику способствовало появлению представления о нем как о древней родине славян. Рано или поздно это представление должно было проникнуть к самим славянам. Так, в рескрипте папы Иннокентия IV 1248 г., разрешавшем использовать глаголические тексты в богослужении в Сеньской епископии, была зафиксирована существовавшая в Хорватии традиция, согласно которой изобретателем славянской азбуки был Иероним Блаженный [36, р. 42]. Как известно, Иероним был уроженцем города Стридон, располагавшегося, по данным античных источников, на границе Далмации и Паннонии, вследствие чего автохтонистская перспектива в интерпретации прошлого привела к включению этой фигуры в хорватскую историческую традицию.

По догадке А. Авенариуса, именно существовавшее в Хорватии представление об автохтонном происхождении южных славян обусловило появление в ПВЛ представления о прародине славян в Иллирике [1, с. 30–31]. На наш взгляд, можно допустить, что сформировавшееся в Риме представление об автохтонном происхождении славян Иллирика,

став в период существования «славянского диоцеза» Мефодия, элементом кирилло-мефодиевского культурно-идеологического проекта, способствовало появлению древнейших славянских версий «*origo gentis*», в которых Иллирик и/или Паннония (часть Иллирика) фигурировали в качестве прародины славян. Давно замечено, что рассказ ПВЛ о дунайской прародине обнаруживает сходство с картинами прошлого славян, изображенными в памятниках историописания Центральной Европы [15, с. 77]. Так, Паннония в качестве славянской прародины фигурирует в Великопольской хронике, где вводная часть («Пролог»), содержащая рассказ о происхождении славян, была создана во второй половине XIV в. [27]. В «Хронике так называемого Далимила» (начало XIV в.) сообщается о том, что после разделения языков сербы, под которыми хронист подразумевал древнейших славян [7, с. 27–28], заняли земли греков «возле моря», откуда распространились до Рима. Как видно, речь здесь идет о пространстве Иллирика, причем отсюда, а точнее из Хорватии, происходил, по версии хроники, и легендарный Чех – праотец чехов [7]. В историографии так и не удалось выяснить корни этногенетических представлений данных авторов, а в одной из последних работ, посвященных «Прологу» Великопольской хроники, высказывается мнение, что в качестве прародины славян Паннония в этом памятнике появилась под влиянием ПВЛ [27], что представляется сугубо теоретической возможностью.

Для наших целей важно подчеркнуть, что фигурирующие в папских письмах Хорватское и Сербское княжества не были частью Словенской земли в том виде, в каком она очерчена в ПВЛ. Размещая Иллирик на территории Моравии (и Паннонии), то есть Словенской земли, летописец мог принимать во внимание границы позднеантичной префектуры Иллирик, включавшей в свой состав Паннонию [15, с. 74–75; 17, с. 30]. В этом случае Словенская земля занимала бы лишь часть Иллирика. Однако допустимо и иное толкование, которое позволяет, напротив, считать летописный Иллирик частью Словенской земли, сузив, таким образом, территорию первичного обитания славян в ее рамках. Такое толкование можно предложить, основываясь на

упоминании Иллирика в труде Константина Багрянородного «Об управлении империей» (середина X в.). В нем при описании истории хорватов сообщается о том, что после переселения в Далмацию часть их отделилась от своих соплеменников и «овладела Иллириком и Паннонией», где возникло еще одно хорватское княжество [2, с. 131]. Отталкиваясь от отождествления этого княжества с так называемым Посавским княжеством в южной части Паннонии, Х. Грачанин предположил, что Иллириком здесь назван (восточный) Срем [26, с. 180]. Если в ПВЛ под Иллириком тоже разумелся Срем, то, возможно, именно этим было обусловлено упоминание летописцем «Болгарской земли» (соответствовавшей, как отмечалось, территории Охридской архиепископии, в чьей юрисдикции была Сирмийская епархия) в качестве страны, которая, наряду с «Угорской землей», охватывала область первоначального проживания славян.

Казалось бы, то, что Словенская земля в летописной статье 898 г. охватывает три княжества, на территории которых разворачивалась деятельность Кирилла и Мефодия, может быть расценено как свидетельство книжного характера понятия «Словенская земля», а именно его возникновения под воздействием кирилло-мефодиевской агиографии. В свою очередь, совпадение территории Словенской земли из статьи 898 г. с областью первичного обитания словен, обрисованной во введении, может навести на мысль, что и сама этногенетическая концепция ПВЛ возникла под влиянием житий Кирилла и Мефодия. Подобную идею высказал А. П. Толочко: ввиду того, что в ПВЛ представление о существовании единого славянского народа связано с обладанием этим народом особой письменностью, источником представлений летописца о Словенской земле ученый счел Паннонские жития [19, с. 76–77].

Идея эта, однако, должна быть подвергнута критике в свете присутствия в источниках, никак не связанных с кирилло-мефодиевской агиографией, представления о Карпатской котловине как о «стране славян», совершенно сходного с тем, что наблюдается в ПВЛ. Наиболее ранним памятником, содержащим такое представление, является «Венгерско-польская хроника», созданная в 1220–

1230-е гг. при дворе герцога Коломана, брата венгерского короля Белы IV [29]. При описании деяний легендарного короля венгров Аквилы (Атиллы) в хронике неоднократно упоминается «Склавония», то есть страна славян. Как показал М. Хомза, в состав Склавонии в «Венгерско-польской хронике» включается отнюдь не только область между Дравой, Савой и Гвоздом, превратившаяся в XIII в. в особую политико-административную единицу – Славонское королевство (*regnum Sclavoniae*), но и, по сути, все пространство Карпатской котловины [29, s. 41–43]. Показательно в этом смысле сообщение хроники о том, как внук Аквилы Бела вернулся из Аквилей «в свою землю Склавонию, которую его дед назвал Венгрией» (*in terram suam Sclavoniam, quam atavus suus Ungariam appellavit*) [29, s. 132]. М. Хомза справедливо обратил внимание на сходство этой фразы с известием статьи ПВЛ 898 г. о том, как после того, как венгры изгнали волохов и унаследовали Словенскую землю, последняя стала именоваться Венгрией («Посем же угри прогнаша вольхи, и наслѣдиша землю ту, и сѣдоша съ словѣны, покоривше я подъ ся, и оттоле прозвася земля Угорьска» [18, с. 15]). При отсутствии следов более ранней письменной традиции, которая бы могла повлиять на появление одинаковых этногеографических представлений в двух не связанных друг с другом памятниках, остается считать, что эти представления были обусловлены локальным знанием и отражали этнические реалии.

В обоснование того, что «Словенская земля» являлась реальным этногеографическим понятием, а не книжным конструктом, вдохновленным кирилло-мефодиевской агиографией, можно привести и свидетельства позднейших славяноязычных источников, фиксирующих использование понятия «Словенская земля» в живой речи. Одним из них является так называемое «Хождение на Флорентийский собор», написанное одним из участников русского посольства на Ферраро-Флорентийский собор 1438–1439 гг. – предположительно диаконом суздальского епископа Авраамия. При описании обратного путешествия из Венеции через территорию современной Хорватии автор «Хождения», сообщая о пересечении им реки Дравы, дает следующий

комментарий: «Та убо река у рубежа Словенской земли с Угорескою землею» [8, с. 70]. Притом, что автору «Хождения» известны «хавратяне» (хорваты), населявшие города Сень и Бринье, едва ли можно сомневаться в том, что Словенской землей здесь именуется Славонское королевство с центром в Загребе. Однако воспринимать хороним «Словенская земля» как перевод латинского названия «Sclavonia» было бы неверно, ведь само закрепление названия «Sclavonia» за пространством, соответствовавшим территории Загребской епископии [22], произошло в силу преобладания здесь носителей славянской идентичности – словен.

Примечательно в связи с этим, что еще в XVI–XVII вв. в исторических сочинениях, создававшихся в Славонии, встречается более широкое, то есть не ограниченное рамками Славонского королевства, значение понятия «Словенская земля». Так, весьма интересна в этом отношении этногеографическая номенклатура, используемая в написанной кайкавским наречием «Хронике» Антуна Врамца, опубликованной в 1578 г. Сообщая под 744 г. о переселении венгров в Карпатскую котловину, автор хроники говорит, что они «пришли в Паннонию или Словенскую землю» (*v Pannoniu ali Zlouenzku zemlu iezu dosli*) [38, s. 28]. Как видно, Вrameц, воспроизводя известный сюжет венгерской историографии о поселении венгров в Паннонии, называет занятую венграми территорию Словенской землей, совершенно не считая нужным ограничивать это понятие лишь пределами Славонии, отделенной от Венгрии рекой Драва.

Не менее показательное свидетельство хорватского автора Павла Риттера-Витезовича (1652–1713). В написанной им «Хронике, или истории веков всего света» (*Kronika aliti szpomen vszega szvieta vikov*), изданной в Загребе в 1696 г., Витезович под влиянием традиций далматинско-дубровницкой историографии использовал этноним «славяне» (*Szlovinci*) по отношению ко всем славяноязычным народам. Интересно, однако, что Витезович счел нужным разъяснить свою позицию, поместив в конце своей книги специальное приложение (*Pridavak*), в котором им был приведен пространственный список славянских народов. Необходимость в таком разъяс-

нении, несомненно, диктовалась тем, что в Славонии еще в конце XVII в. не существовало привычки именовать славянами все славяноязычные народы. Поясняя читателю, что «славянами» (*Szlovenci*) он именовал не только жителей территории между Савой, Дравой и Дунаем (то есть Славонии), но и «всех других областей, которые у греков и римлян именовались Иллирией», Витезович особенно выделил Паннонию – территорию между Дравой и Дунаем, чьи жители, по его словам, хотя и смешаны с венграми, именуется «славянами» (*Szlovenci*), а язык свой истари называют «славянским» (*slovenski*) [37, s. 468]. Складывается впечатление, что в представлении Витезовича помимо земли славян в узком смысле, то есть Славонии, и славянского мира в широком смысле, охватывавшего все славяноязычные народы, существовала еще и промежуточная страна славян, охватывавшая вместе со Славонией лежавшую к северу от Дравы Паннонию.

Словенскую землю Врамца, как и область славян-словен (*Szlovenci*) Витезовича, охватывавшую Славонию с прилегавшими к ней венгерскими землями между Дравой и Дунаем, следует трактовать как доживший до Нового времени остаток той Словенской земли, о которой сообщается в ПВЛ. Похожим образом следует трактовать и ситуацию в северной части древней Словенской земли, где стал оформляться словацкий этнос. В источниках Средневековья и раннего Нового времени к этой территории применялись термины «*Sclavonia / Slavonia*», а также «*Tót ország*» («Словенская земля» по-венгерски) [32]. При этом так же, как и в Славонии, в Словакии сохранялась традиция, согласно которой Словенская земля некогда охватывала более широкую территорию. Свидетельством тому является сообщение Имре Терховича (1655–1716), говорившего в одном из своих сочинений о приходе в Карпатскую котловину воинов Аттилы и превращении «Словенской страны» в Венгерскую [32, s. 102].

Выводы. То, что название «Словенская земля» на протяжении веков использовалось в качестве обозначения населенных словенскими территориями Среднего Подунавья, склоняет к тому, чтобы видеть в представлениях ПВЛ о Словенской земле не книжный конст-

рукт, а отражение этнических реалий, то есть элемент локального знания. Эти реалии, в свою очередь, находятся в полном согласии с высказываемым в современной славистике мнением, согласно которому славянская этническая идентичность зародилась на пространстве Карпатской котловины [30, s. 28–54; 13], став распространяться за ее пределы, главным образом, в результате усвоения другими славяноязычными народами кирилло-мефодиевской культурной традиции [30, s. 196]. Между тем, по мнению автора ПВЛ, Словенская земля на Дунае была именно прародиной славяноязычных народов. Такое представление должно было питаться не только фактом проживания здесь народа словен, с которым была связана история появления славянской письменности, но и римским по своему происхождению взглядом на славян как на автохтонных жителей Иллирика и Паннонии, очевидно, ставшим одним из элементов кирилло-мефодиевского культурно-идеологического наследия.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 17-01-00400 («Христианизация Балканского региона: прерывность и континуитет»).

This study was supported financially by the Russian Foundation for Basic Research, project no. 17-01-00400 (“Christianization of the Balkan Region: Discontinuity and Continuity”).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Авенариус А. Ранние славяне в Среднем Подунавье: Автохтонная теория в свете современных исследований // Славяноведение. 1993. № 2. С. 27–41.
2. Багрянородный К. Об управлении империей / под. ред. Г. Г. Литаврина, А. П. Новосельцева; пер. Г. Г. Литаврина. М.: Наука, 1991. 496 с.
3. Ведюшкина И. В. «Нарцы еже суть словене» // Восточная Европа в древности и средневековье: X Чтения памяти В. Т. Пашуто. М.: Ин-т всеобщей истории РАН, 1998. С. 13–16.
4. Ведюшкина И. В. Этногенеалогии в Повести временных лет // Древнейшие государства Восточной Европы. 2002. М.: Наука, 2004. С. 52–60.
5. Вилкул Т. Толковая Палея и Повесть временных лет. Сюжет о «разделении языке» // Ruthenica. 2007. Т. VI. С. 37–85.

6. Вилкул Т. Заимствования из Хроники Иоанна Малалы в Повести временных лет // *Историография и источниковедение отечественной истории*. 2014. Вып. 7. С. 9–34.
7. Гаврилович М. О Србима у Далимиловој хроници // *Историјски часопис*. 2020. Књ. 69. С. 13–37.
8. Казакова Н. А. Первоначальная редакция «Хождения на Флорентийский собор» // *Труды Отдела древнерусской литературы*. 1970. Т. XXV. С. 60–72.
9. Коматина П. Појам Бугарске у XI и XII веку и територија Охридске архиепископије // *Византијски свет на Балкану*. Књ. I / Уред. Б. Крсмановић, Љ. Максимовић, Р. Радић. Београд: Византолошки институт САНУ, 2012. С. 41–56.
10. Мачинский Д. А. Миграция славян в I тыс. н.э. (по письменным источникам с привлечением данных археологии) // *Формирование раннефеодальных славянских народностей*. М.: Наука, 1981. С. 31–52.
11. Мельникова Е. А. «Этногеографическое введение» Повести временных лет: Пространственная ориентация и принципы землеописания // *Живая старина*. 1995. № 4. С. 45–48.
12. Мужич И. Sklavī(ni)-Σκλαβηνοί и формирование хорватского народа на Балканах // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2008. № 2 (4). С. 73–93.
13. Назин С. В. Еще раз о склавенах и антах, Мурсианском озере и городе Новиетуне // *Византийский временник*. 2019. Т. 103. С. 113–127.
14. Николов А. «И населници словеном быша»: замечания к интерпретации сведения «Повести временных лет» о поселении болгар среди дунайских славян // *ΘΕΟΔΟΥΛΟΣ*. М.: Изд-во Свято-Тихоновского гуманитар. ун-та, 2012. С. 261–269.
15. Никольский Н. К. Повесть временных лет как источник для истории начального периода русской письменности и культуры. К вопросу о древнейшем русском летописании. Л.: Изд-во АН СССР, 1930. 106 с.
16. Петрухин В. Я. «Дунайская прародина» и расселение славян // *Концепт движения в языке и культуре*. М.: Индрик, 1996. С. 371–383.
17. Петрухин В. Я. Русь в IX–X веках. От призвания варягов до выбора веры. М.: Форум: Неолит, 2014. 464 с.
18. Повесть временных лет / подгот. текста, пер., ст. и коммент. Д. С. Лихачева; под ред. В. П. Адриановой-Перетц. СПб.: Наука, 2007. 669 с.
19. Толочко А. П. Очерки начальной Руси. Киев; СПб.: Лаурус, 2015. 336 с.
20. Флоря Б. Н. Сказание о преложении книг на славянский язык. Источники, время и место написания // *Byzantinoslavica*. 1985. Т. 46(1). С. 121–130.
21. Шахматов А. А. Повесть временных лет и ее источники // *Труды Отдела древнерусской литературы*. 1940. Т. 4. С. 9–150.
22. Bali T. Slavonski meandar: Prostor i pojam Slavonije u XIII. stoljeću. Zagreb: Srednja Europa, 2014. 159 s.
23. Betti M. The Making of Christian Moravia (858–882): Papal Power and Political Reality. Leiden; Boston: Brill, 2014. 251 p.
24. Documenta historiae chroaticae periodum antiquam illustrantia / Collegit, digessit, explicuit Dr F. Rački. Zagrabiae: Jugoslavenska akademija znanosti i umjetnosti, 1877. 544 p.
25. Dzino D. Local Knowledge and Wider Contexts: Stories of the Arrival of the Croats in De Administrando Imperio in the Past and Present // *Byzantium, its Neighbours and its Cultures* / ed. by D. Dzino, K. Parry. Sydney: Australian Association for Byzantine Studies, 2014. P. 89–104.
26. Gračanin H. Južna Panonija u kasnoj antici i ranom srednjovjekovlju (od konca 4. do konca 11. stoljeća). Zagreb: Plejada, 2011. 455 s.
27. Grzesik R. Panonia kolebką Słowian? O pewnej koncepcji etnogenetycznej // *Kultura, literatura oraz myśl filozoficzna Słowian Wschodnich i Południowych w powiązaniach, wzajemnych oddziaływaniach (XVI Musica Antiqua Europae Orientalis. Acta Slavica)*. Bydgoszcz: Filharmonia Pomorska im. I. J. Paderewskiego, 2012. S. 99–107.
28. Hauptmann Lj. Mejna grofija spodnjepanonska // *Razprave znanstvenega društva za humanistične vede v Ljubljani*. 1923. Kn. 1. S. 311–357.
29. Homza M. Uhorsko-poľská kronika: nedocenený prameň k dejinám strednej Európy. Bratislava: Post Scriptum, 2009. 223 s.
30. Homza M. Stredná Európa I: Na začiatku stredoveku. Bratislava: Univerzita Komenského v Bratislave, 2014. 313 s.
31. Matijević Sokol M., Sokol V. Hrvatska i Nin u doba kneza Branimira. II. dopunjeno izdanje. Zagreb: Hrvatski studiji Sveučilišta u Zagrebu, 2005. 115 s.
32. Mrva I. Regnum Sclavorum, Sclavonia, Windenland, Slovakia, Slovák-ország, Tot vilajet, Tót ország, Zem slovenská, Slowakei, Slovácko, uhorské Slovensko – od etnicko-geografického pojmu po geograficko-politické označenie // *Letz R. [et al.] Slovenské územie v historickom kontexte*. Martin: Matica Slovenská, 2017. S. 93–112.
33. Mulík P. Pojem slovenského územia z historicko-geografického a historicko-lingvistického aspektu v najstaršom období // *Letz R. [et al.] Slovenské územie v historickom kontexte*. Martin: Matica Slovenská, 2017. S. 15–32.
34. Třeštík D. Mýty kmene Čechů (7–10 století). Tři studie ke «Starým pověstem Českým». Praha: Nakladatelství Lidové noviny, 2003. 292 s.
35. Verešová N. Povešť vremennych let a jej koncepcia Slovienskoj zemli // *Historia Nova (Bratislava)*. 2011. Vol. II. S. 12–20.

36. Verkholtantsev J. St. Jerome, Apostle of the Slavs, and the Roman Slavonic Rite // *Speculum*. 2012. Vol. 87. P. 37–61.

37. Vitezović Ritter P. *Kronika aliti Spomen vsega svieta vikov: 1696*. Zagreb: ArTresor naklada, 2015. 626 s.

38. Vramec A. *Kronika*. Zagreb; Varaždin: Zavod za znanstveni rad: Kršćanska sadašnjost, 1992. 140 s.

REFERENCES

1. Avenarius A. Rannie slavyane v Srednem Podunavje: Avtokhtonnnaya teoriya v svete sovremennykh issledovaniy [Early Slavs in the Middle Danube Region: The Autochtonist Theory in the Light of Current Research]. *Slavyanovedenie*, 1993, no. 2, pp. 27-41.

2. Bagryanorodnyy K. *Ob upravlenii imperiey* [On the Administration of the Empire]. Moscow, Nauka Publ., 1991. 496 p.

3. Vedyushkina I.V. «Nartsy yezhe sut slovene» [“Nartsy Who Are Slavs”]. *Vostochnaya Yevropa v drevnosti i srednevekovye. X Chteniya pamyati V.T. Pashuto* [Eastern Europe in Antiquity and the Middle Ages. 10th Readings in Memory of V.T. Pashuto]. Moscow, In-t vseobshchey istorii RAN, 1998, pp. 13-16.

4. Vedyushkina I.V. Etnogenealogii v Povesti vremennykh let [Ethnic Genealogies in the Tale of Bygone Years]. *Drevneyshie gosudarstva Vostochnoy Yevropy. 2002* [The Most Ancient States of Eastern Europe. 2002]. Moscow, Nauka Publ., 2004, pp. 52-60.

5. Vilkul T. Tolkovaya Paleya i Povest vremennykh let. Syuzhet o «razdelenii yazyk» [The Explanatory Paleia and the Tale of Bygone Years: The Story of the Division of Peoples]. *Ruthenica*. 2007, vol. 6, pp. 37-85.

6. Vilkul T. Zaimstvovaniya iz Hroniki Ioanna Malaly v Povesti vremennykh let [Borrowings from the Chronicle of John Malala in the Tale of Bygone Years]. *Istoriografiya i istochnikovedeniye otechestvennoy istorii* [Historiography and Source Study of Russian History], 2014, iss. 7, pp. 9-34.

7. Gavrilović M. O Srbima u Dalimilovoj hronici [About Serbs in the Chronicle of Dalimil]. *Istorijski časopis*, 2020, vol. 69, pp. 13-37.

8. Kazakova N.A. Pervonachalnaya redaktsiya «Khozhdeniya na Florentiyskiy sobor» [Original Version of the “Journey to the Council of Florence”]. *Trudy Otdela drevnerusskoy literatury* [Proceedings of the Department for Old Russian Literature], 1970, vol. 25, pp. 60-72.

9. Komatina P. Pojam Bugarske u XI i XII veku i teritorija Ohridske arhiepiskopije [The Concept of Bulgaria in the 11th and 12th Centuries and the

Territory of the Archbishopric of Ohrid]. Krsmanović B., Maksimović Lj., Radić R., eds. *Vizantijski svet na Balkanu. T. 1* [Byzantine World in the Balkans. Vol. 1]. Belgrade, Vizantoloshki institut SANU, 2012, pp. 41-56.

10. Machinskiy D.A. Migratsiya slavyan v I tys. n.e. (po pismennym istochnikam s privlecheniem dannyyh arkheologii) [Migration of the Slavs in the 1st Millennium A.D. (According to Literary Sources with the Use of Archaeological Data)]. *Formirovanie rannefeodalnykh slavyanskikh narodnostey* [Forming of the Early Feudal Slavic Nations]. Moscow, Nauka Publ., 1981, pp. 31-52.

11. Melnikova E.A. «Etnogeograficheskoye vvedeniye» Povesti vremennykh let: Prostranstvennaya oriyentatsiya i printsypy zemleopisaniya [“Ethnogeographic Introduction” of the Tale of Bygone Years: Spatial Orientation and Land Description Principles]. *Zhivaya starina*. 1995, no. 4, pp. 45-48.

12. Mužić I. Sklavi(ni)-Σκλαβηνοι i formirovanie khrovatskogo naroda na Balkanakh [Sklavi(ni)-Sklavenoii and the Formation of the Croatian People in the Balkans]. *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*, 2008, no. 2 (4), pp. 73-93.

13. Nazin S.V. Yeshche raz o sklavenakh i antakh, Mursianskom ozere i gorode Novietune [Sclaveni and Antes, Lacus Mursianus and Civitas Novietunensis Revisited]. *Vizantiyskiy vremennik*, 2019, vol. 103, pp. 113-127.

14. Nikolov A. «I naselnitsi slovenom bysha»: zamechaniya k interpretatsii svedeniya «Povesti vremennykh let» o poselenii bolgar sredi dunayskikh slavyan [«I naselnitsi slovenom bysha»: Notes on the Interpretation of the Account of the “Tale of Bygone Years” of the Settlement of the Bulgars Among the Danube Slavs]. *THEODOULOS*. Moscow, Izd-vo Svyato-Tikhonovskogo gumanit. un-ta, 2012, pp. 261-269.

15. Nikolskiy N.K. *Povest vremennykh let kak istochnik dlya istorii nachalnogo perioda russkoi pismennosti i kultury. K voprosu o drevneyshem russkom letopisanii* [The Tale of Bygone Years as a Source for the History of the Initial Period of Russian Literature and Culture. To the Question of the Most Ancient Russian Chronicle Writing]. Leningrad, Izd-vo AN SSSR, 1930. 106 p.

16. Petrukhin V.Ya. «Dunayskaya prarodina» i rasseleniye slavyan [The “Danube Homeland” and Settling of the Slavs]. *Kontsept dvizheniya v yazyke i kulture* [The Concept of Movement in Language and Culture]. Moscow, Indrik Publ., pp. 371-383.

17. Petrukhin V.Ya. *Rus v IX–X vekakh. Ot prizvaniya varyagov do vybora very* [Rus in the 9th–10th Centuries. From the Invitation of the Varangians to the Choice of Religion]. Moscow, Forum Publ., Neolit Publ., 2014. 464 p.

18. Likhachev D.S., Adrianova-Peretz V.P., eds. *Povest vremennykh let* [Tale of Bygone Years]. Saint Petersburg, Nauka Publ., 2007. 669 p.
19. Tolochko A.P. *Ocherki nachalnoy rusi* [Essays on the Early Rus]. Kiev, Saint Petersburg, Laurus Publ., 2015. 336 p.
20. Florya B.N. Skazanie o prelozhenii knig na slavyanskiy yazyk. Istochniki, vremya i mesto napisaniya [The Tale of the Translation of the Books into the Slavic Language. Sources, Date and Place of Origin]. *Byzantinoslavica*, 1985, vol. 46 (1), pp. 121-130.
21. Shakhmatov A.A. Povest vremennykh let i yeye istochniki [Tale of Bygone Years and Its Sources]. *Trudy Otdela drevnerusskoy literatury* [Proceedings of the Department for Old Russian Literature], 1940, vol. 4, pp. 9-150.
22. Bali T. *Slavonski meandar: Prostor i pojam Slavonije u XIII. stoljeću*. Zagreb, Srednja Europa, 2014. 159 s.
23. Betti M. *The Making of Christian Moravia (858–882): Papal Power and Political Reality*. Leiden, Boston, Brill, 2014. 251 p.
24. Rački F., ed. *Documenta historiae chroaticae periodum antiquam illustrantia*. Zagreb, Jugoslavenska akademija znanosti i umjetnosti, 1877. 544 p.
25. Dzino D. Local Knowledge and Wider Contexts: Stories of the Arrival of the Croats in De Administrando Imperio in the Past and Present. Dzino D., Parry K., eds. *Byzantium, Its Neighbours and Its Cultures*. Sydney, Australian Association for Byzantine Studies, 2014, pp. 89-104.
26. Gračanin H. *Južna Panonija u kasnoj antici i ranom srednjovjekovlju (od konca 4. do konca 11. stoljeća)*. Zagreb, Plejada, 2011. 455 s.
27. Grzesik R. Panonia kolebką Słowian? O pewnej koncepcji etnogenetycznej. *Kultura, literatura oraz myśl filozoficzna Słowian Wschodnich i Południowych w powiązaniach, wzajemnych oddziaływaniach (XVI Musica Antiqua Europae Orientalis. Acta Slavica)*. Bydgoszcz, Filharmonia Pomorska im. I. J. Paderewskiego, 2012, S. 99-107.
28. Hauptmann Lj. Mejna grofija spodnjepanonska. *Razprave znanstvenega društva za humanistične vede v Ljubljani*, 1923, book. 1, s. 311-357.
29. Homza M. *Uhorsko-poľská kronika: nedocenený prameň k dejinám strednej Európy*. Bratislava, Post Scriptum, 2009. 223 s.
30. Homza M. *Stredná Európa I: Na začiatku stredoveku*. Bratislava, Univerzita Komenského v Bratislave, 2014. 313 s.
31. Matijević Sokol M., Sokol V. *Hrvatska i Nin u doba kneza Branimira*. Zagreb, Hrvatski studiji Sveučilišta u Zagrebu, 2005. 115 s.
32. Mrva I. Regnum Sclavorum, Sclavonia, Windenland, Slovakia, Slovák-ország, Tot vilajet, Tót ország, Zem slovenská, Slowakei, Slovácko, uhorské Slovensko – od etnicko-geografického pojmu po geograficko-politické označenie. Letz R. et al. *Slovenské územie v historickom kontexte*. Martin, Matica Slovenská, 2017, s. 93-112.
33. Mulík P. Pojem slovenského územia z historicko-geografického a historicko-lingvistického aspektu v najstaršom období. Letz R. et al. *Slovenské územie v historickom kontexte*. Martin, Matica Slovenská, 2017, s. 15-32.
34. Třeštík D. *Mýty kmene Čechů (7–10 století). Tři studie ke «Starým pověstem Českým»*. Prague, Nakladatelství Lidové noviny, 2003. 292 s.
35. Verešová N. Povest vremennykh let a jej koncepcia Slovienskoj zemli. *Historia Nova (Bratislava)*, 2011, vol. II, s. 12-20.
36. Verkholtantsev J. St. Jerome, Apostle of the Slavs, and the Roman Slavonic Rite. *Speculum*, 2012, vol. 87, pp. 37-61.
37. Vitezović Ritter P. *Kronika aliti Spomen vsega svieta vikov: 1696*. Zagreb, ArTresor naklada, 2015. 626 s.
38. Vramec A. *Kronika*. Zagreb, Varaždin, Zavod za znanstveni rad, Kršćanska sadašnjost, 1992. 140 s.

Information About the Author

Denis E. Alimov, Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Department of Slavic and Balkan Studies, Saint Petersburg State University, Universitetskaya Emb., 7/9, 199034 Saint Petersburg, Russian Federation, d.alimov@spbu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4733-4150>

Информация об авторе

Денис Евгеньевич Алимов, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории славянских и балканских стран, Санкт-Петербургский государственный университет, Университетская наб., 7/9, 199034 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, d.alimov@spbu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4733-4150>